

Врачебные судьбы

Январь 2022

4-го января в Житомире от нефрита скончался Аполинарий Федорович Тельпихин, родившийся в 1843 г., а звание врача получивший в 1868 г. Аполинарий Федорович получил образование в Военно-медицинской академии, по окончании курса в которой поступил на военную службу военным врачом. в 70-х годах он оставил военную службу, поселился врачом в Саратове и стал заниматься частной практикой, избрал себе специальностью ушные и глазные болезни. В начале 80-х годов он занялся изучением гипнотизма и стал лечить алкоголиков посредством гипноза. На эту тему он написал сочинение Гипнотизм и его значение в настоящее время и в будущем (Саратов, 1888 г., цена 75 коп). В 90-х гг. Аполинарий Федорович заболел сахарной болезнью и по совету врачей переселился в Житомире. Здесь, будучи больным, он не мог уже заниматься практикой и им овладела мысль заняться излечением своего недуга. Он лечился спермином Пеля. Средство это принесло ему несомненную пользу; однако, дороговизна спермина Пеля не позволяла Аполинарию Федоровичу систематически пользоваться им. Чтобы выйти из затруднительного положения, Аполинарий Федорович стал придумывать способ получить спермин, по возможности простой и дешевый. Опыты его увенчались успехом, и о дешевом способе получения спермина он сообщил во Враче за 1898 г. (№21) Сначала Аполинарий Федорович приготавливал спермин исключительно для своих личных надобностей, затем стал отпускать свой препарат бесплатно врачам, и наконец, убедившись в полезном действии средства при разных болезнях, решился устроить лабораторию для изготовления спермина. Лаборатория эта была открыта им в Житомире в 1901 г. Дело понемногу расширялось и в последние 3 года так разрослось, что Аполинарий Федорович лишь с трудом мог удовлетворить спрос на изготавливаемый им спермин. Приготавливал Аполинарий Федорович спермин с необыкновенной тщательностью: вся работа по изготовлению этого препарата шла под непосредственным его наблюдением. Как человек,

Аполинарий Федорович отличался редкой добротой и гуманностью. Много бедняков, пользовавшихся его врачебными советами разумеется, всегда бесплатными потеряли в нем истинного друга и печальника.

Русский врач. 1907. № 6.

20 февраля 1907 г. в Париже скончался от аппендицита знаменитый французский химик Анри Муассан, получивший в прошлом году Нобелевскую премию за работы по выделению в чистом виде фтора и за искусственное воспроизведение алмаза в изобретенной им электрической печи.

Русский врач. 1907. № 7.

Еще одна жертва самоотверженного служения науке! 14 февраля в лаборатории по заготовлению противобубонно-чумных препаратов на форте Александр I в Кронштадте заболел чумным воспалением легкого, а 17 февраля умер практикант Института экспериментальной медицины, старший врач 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка М.Ф.Шрейбер. Вследствие чрезвычайно бурного течения болезни уже на второй день ее возникло подозрение относительно чумной природы заболевания, а бактериологическое исследование кровянистой мокроты обнаружило в ней чумные палочки. Предположение о чумной пневмонии подтвердилось через день получением чистой разводки специфического микроба и прививками на морских свинках. На основании телеграфных сведений, ежедневно присылавшихся заведующим лабораторией доктором Н.М. Берестеневым в Институт экспериментальной медицины, ход болезни доктора Шрейбера был такой: 14.2. Шрейбер днем еще работал в лаборатории. К вечеру после сильного зноба температура поднялась свыше 39 С. 15.2. Утром 39,4 С, при хорошем самочувствии, но при незначительном колотье в боку. К 2-м часам дня появилось немного кровянистой мокроты, в которой определены чумные палочки. Объективные данные были едва выражены, а именно в лопаточной области справа слышно было слегка ослабленное дыхание и незначительное притупление. К вечеру того же дня температура поднялась до 40 С; пульс 180, дыхание

34. Колотье в правом боку несильное; кровянистая мокрота отделяется часто и легко. Сознание полное. Объективные явления выражены не резко; изредка попадаются влажные хрипы спереди справа. 16.2. Утром в состоянии больного не было особых перемен к худшему, но к вечеру воспалительный процесс в легком обнаружил дальнейшее распространение; кашель стал более частым и с обильной мокротой. Сознание все время полное. 17.2. Утро все явления болезни стали более бурными и тревожными, 39,9 С, пульс 140. Отделяется много кровянистой пенистой мокроты. Больной очень слаб, но при полном сознании и с надеждой на выздоровление. Врачи же, окружавшие его, считали его уже почти безнадежным, и, действительно, в 11.30 часов ночи Шрейбера не стало. Несчастный товарищ сохранял сознание почти до самой смерти и просил сжечь его труп. Мир праху безвременно погибшего славной смертью героя! 3 года назад, когда он начал свои работы по чуме на форте, временно прерванные затем отозванием на войну, он был свидетелем болезни и смерти от чумной же пневмонии бывшего в то время заведующим противобубонно-чумной лабораторией В.И.Турчанинова-Выжникевича. Тяжелое впечатление этого трагического случая не потушило в нем, однако, жажды к исследованию, не поселило страха смерти, и по окончании войны Шрейбер поселился в противочумной лаборатории и энергично принялся за изучение открытого еще вопроса об эндотоксинах чумной палочки. Работа его была уже почти закончена, когда случилось заражение, приведшее к такому трагическому концу. Несмотря на сделанные несколько раз впрыскивания противочумной сыворотки и на самые энергичные меры лечения и ухода, Шрейбер стал жертвой тяжелой заразы. [Считаем нужным указать на тщательность ухода за больным на том основании, что в одной из общих петербургских газет (Русь, 18 февраля) появилось возмутительное по своей изобретательности и наивности, чтобы не сказать более, объяснение понятие об обычном в таких случаях изолировании чумных больных: Больной изолирован, а Вы знаете, что это такое! В комнату-склеп, где нет других окон, кроме небольшой дыры в потолке, Вас опускают вниз. Несколько раз в день туда опускают Вам пищу и питье. Но и только. Когда Вы умрете, то через отверстие склепа сыплется негашеная известь, и эта изоляционная комната становится Вашей могилой. На самом же деле при больном все время дежурили врачи; исследование

его проводилось постоянно; кроме впрыскивания сыворотки, давались всевозможные возбуждающие кофеин, шампанское и пр.] Произведенное 18 февраля утром вскрытие обнаружило характерную чумную пневмонию всей верхней доли правого легкого и мелкие пневмонические гнезда в левой нижней доле. Тело сожжено в кремационной печи лаборатории. Врачебный персонал на форте в настоящее время состоит из 4-х лиц: заведующего лабораторией Н.М. Берстенева и двух его помощников И.З. Шурупова и И.И. Шукевича, а также практиканта Института военного врача Л.В. Подлевского; как Шурупов, так и Подлевский были на фронте и в 1904 году во время болезни Турчиновича-Выжникевича. Кроме врачей, на форте живут более 25 лабораторных служащих и конюхов. Все это население форта здорово, и всем сделаны предохранительные впрыскивания сыворотки. Начиная с 18-го февраля, по отношению к форту учрежден 10-дневный карантин. Настоящий случай заболевания чумой относится к так называемым лабораторным заражениям. Не считая случаев заражения, наблюдавшихся в Индии и постигших работавших над изучением биологии чумного микроба, на Европейском континенте это 5-й случай лабораторной чумы. Первый случай относится к 1898 г., когда в Венском патологоанатомическом Институте заразился сначала лабораторный служащий Бариш, а от него уже ухаживавший за ним доктор Мюллер; оба умерли от чумной пневмонии. Второй случай наблюдался 5 недель спустя в Лиссабоне: во время вскрытия чумного больного заразился от него, очевидно, через заусеницу на пальце доктор Камара Пестана; он умер через 5 дней при явлениях подмышкового и подключинного бубонов и чумной пневмонии. Третий случай был в Берлине в 1903 г.: при работах над чумой в Институте для заразных болезней заразился сначала доктор Захс, а затем от него уже ухаживавший за ним служащий Маркграф; доктор Захс умер, а Маркграф выздоровел, очевидно, благодаря многочисленным предохранительным впрыскиваниям сыворотки. Четвертый случай был в 1904 г. на форте Александр I, когда жертвой лабораторного заражения чумой пал заведовавший лабораторией В.И. Турчинович-Выжникевич. Случай этот памятен всем русским врачам, ибо он совпал с Пироговским съездом, на одном из заседаний которого и было о нем впервые заявлено. Работая над изучением способов заражения животных через вдыхание распыленных чумных микробов, покойный, по всей вероятности, и сам

заразился этим же путем. 3 января он заболел при явлениях сильного зноба, а 7 января скончался от чумной пневмонии. Подробная история его болезни описана бывшим все время при нем Д.К. Заболотным (Архив биологических наук, 1904г., т. 9 и монографию его же Чума, эпидемиология, патогенез и профилактика, 1907 г.) Нужно думать, что и доктор Шрейбер заразился во время своей работы над приготовлением эндотоксинов чумной палочки.

Мануил Федорович Шрейбер родился 1 декабря 1866 г. Учился в Киевской 3-й гимназии и в Киевском университете, в котором окончил курс со степенью лекаря с отличием 29 сентября 1890 г. В 1893 г. он поступил на службу земским врачом в Пудожский уезд, Олонецкой губернии, а в начале 1896 г. перешел в военно-медицинское ведомство младшим врачом; в 1904 г. на 9-м году службы был назначен старшим врачом. В 1902 г. Мануил Федорович был прикомандирован для усовершенствования в медицине к Военно-медицинской академии, где выдержал экзамен на степень доктора медицины; затем начал в особой лаборатории Института экспериментальной медицины научную работу по чуме, но вскоре должен был прервать ее, так как по случаю войны с Японией был отправлен на Дальний Восток. Находясь на театре войны, Мануил Федорович был назначен: главным врачом полевого запасного № 1 госпиталя и врачом для поручений 5-го класса при главном начальнике санитарной части при главнокомандовавшем армиями, ведая, по последней должности, эвакуацией больных из боевого района армий. Как во всей своей службе, так и в этих ответственных должностях Мануил Федорович, по единодушному отзыву, проявлял неутомимую энергию, полное знание своего дела и преданность ему. По окончании войны Мануил Федорович был командирован от Министерства внутренних дел для борьбы с чумой в Монголию, проведя в этой командировке более полугода при самых тяжелых условиях скитания по Монголии верхом и жизни в монгольских юртах, зачастую впроголодь. Возвратившись в июле 1906 г. с Дальнего Востока в академию для окончания прерванного усовершенствования, Мануил Федорович намеревался закончить начатую в 1903 г. научную

работу по чуме, но узнал, что за время отсутствия его из Петербурга в течение 2,5 лет появились новые исследования, совершенно изменившие направление его работы. И вот, не дав себе никакого отдыха после 2,5 летней лишений, перенесенных на войне и в командировке, он со свойственной ему энергией принялся в августе 1906 г. за новый научный труд по вопросу о чумном эндотоксине и об антиэндотоксических свойствах противочумной сыворотки, который и свел преждевременно в могилу этого весьма образованного и недюжинного врача. Много потеряла в Мануиле Федоровиче наука; много потеряла в нем служба; много потеряли знавшие его; они потеряли хорошего близкого человека. Мануил Федорович был удивительный бесребреник, и не имея семьи, значительную часть сбережений уделял учащейся молодежи, которую умел расположил к себе. Но, будучи очень скромным человеком, он скрывал это даже от близких своих друзей, и только случайно приходилось узнавать, кому он помогал материально. Остроумный собеседник, всегда веселый и жизнерадостный, он вносил с собой оживление и веселье всюду, где только появлялся; он находил особое удовольствие быть в кругу детей, которые его обожали. Незаменимый товарищ, он готов был жертвовать всем для друзей. Не изгладится из сердец близких память о дорогом Мануиле Федоровиче

Русский врач. 1907. № 8.

Случай заболевания чумой в лаборатории по заготовлению противобубонно-чумных препаратов на форте Александр I в Кронштадте, трагически завершившийся смертью доктора Мануила Федоровича Шрейбера, оказался не единичным. Через 3 дня после смерти доктора Шрейбера, а именно в ночь с 20 на 21 февраля у ухаживающего за ним и вскрывавшего его доктора Л.В. Подлевского температура поднялась до 38,5 С, при чем подмышковые железы припухли и стали сильно болеть. Возникшее у некоторых начальное предположение о том, что эти явления могут быть отнесены к реакции организма на впрыснутую доктору Подлевскому, наравне со всеми остальными жителями форта, предохранительную противочумную сыворотку, то есть к так называемой сывороточной болезни (в 1904 г. во время болезни доктора Турчиновича-Выжникевича сывороточная болезнь была резко выражена у очень многих,

живших на форте, под влиянием сделанных им тогда предохранительных впрыскиваний сыворотки, при чем температура поднималась до 38,5 С и даже выше 39, а железы представились болезненными), скоро уступило место решительному заявлению заведующего лабораторией Н.М. Берстнева, что доктор Подлевский болел бубонной формой чумы. Очевидно он заразился от своего погибшего товарища, ухаживая за ним или вскрывая его труп. 21-23 февраля температура у доктора Подлевского держалась все время на высоких цифрах выше 38,5-39 С, а вечером 22 февраля поднялась даже до 40,3 С при сильной болезненности желез, при чем, однако, больной сохранял все время полное сознание и самочувствие его было хорошее. Благодаря своевременно принятым предохранительным мерам и энергичному лечению большими дозами сыворотки (до 300 к.стм.), 23 февраля начался поворот болезни к улучшению, местные явления и боль в области подмышковых желез исчезли; осталась лишь резкая сывороточная сыпь. 24 и 25 февраля по утрам температура спускалась уже до 37,7 С, и есть основание надеяться, что болезнь доктора Подлевского окончится выздоровлением.

Русский врач. 1907. № 8